

Когда он вошел, все замолчали, и собрание, которое началось с громких слова, закончилось так же странно, как и началось.

После собрания те, кто должен был говорить, и те, кто должен был слушать, не чувствовали себя вовлеченными, а больше всего устали Сунь Чуаньчи и Чжао Кэлин, которые объясняли Жун Руна, что произошло.

Сунь Чуаньчи, охрипший, выпил чай, который ему налила Чжао Кэлин, и похлопал Жун Руна по плечу, утешая его:

— Иди отдохни, а днем я пришлю кого-нибудь, чтобы подготовить тебя.

Жун Рун кивнул и ушел, словно в трансе.

Он словно не заметил Хо Цзюэ, проходя мимо него.

Хо Цзюэ смотрел на его спину, его губы сжались, и выражение лица стало серьезным. Неужели маленький лис действительно испугался?

Он подумал и пошел за ним.

Жун Рун вернулся в свою комнату и, как и ожидал, услышал стук в дверь.

Он не спросил, кто это, и просто открыл дверь, не удивившись человеку, стоящему на пороге.

Хо Цзюэ опустил взгляд, пытаясь по выражению лица Жун Руна понять, что он чувствует.

Но Хо Цзюэ не удалось, потому что Жун Рун был бесстрастен, в отличие от его обычного поведения, когда он видел Хо Цзюэ — то украдкой поглядывал, делая вид, что ему все равно, то сердито смотрел на него.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Заходи.

Жун Рун впустил Хо Цзюэ и первым сел на стул в комнате.

Хо Цзюэ слегка нервничал, сел напротив него и украдкой взглянул на его пустые запястья, почувствовав легкую горечь.

— Я вспомнил прошлое, — внезапно сказал Жун Рун.

Хо Цзюэ удивился, прищурившись:

— Ты говоришь о том, что было сто лет назад?

— Да, — Жун Рун опустил голову, почесав щеку. — Я вспомнил все, и думаю, ты мне должен объяснение.

Хо Цзюэ нахмурился, недоумевая:

— О чем именно ты говоришь?

Если Жун Рун сначала сказал, что вспомнил прошлое, то это объяснение должно быть связано не с недавними событиями с Ван Юаньцин или Лю Суцином.

Он действительно не знал, он только недавно узнал, что Жун Рун — это тот самый поросенок-цзин. Он долго думал, прежде чем осторожно начал:

— О контракте хозяин-питодец... Ты тогда согласился добровольно... Но если ты сейчас не хочешь, мы можем в любой момент его расторгнуть.

Жун Рун уже поднял голову, он хотел внимательно наблюдать за выражением лица Хо Цзюэ.

Жун Рун на самом деле не вспомнил прошлое, но он решил сначала проверить Хо Цзюэ, чтобы узнать, сможет ли он получить от него нужную информацию.

Услышав, что Хо Цзюэ сначала заговорил об этом, он помолчал, затем покачал головой:

— Не об этом.

Внутри он думал, что, судя по поведению Хо Цзюэ, он не придавал особого значения тому, что контролировал его с помощью контракта хозяин-питодец. Если он действительно убил его родителей, боясь его мести, почему он не расторг контракт, чтобы он и Шэ цзин не боялись?

Он верил в свою силу, или это было просто притворство, или... он действительно не знал, что его родители тогда тоже оказались в мире людей?

По словам Шэ цзина, боги с небес появлялись в виде духов, и Хо Цзюэ не знал его родителей, так что, возможно, он действительно не знал.

Тогда и наставник мог не знать...

Жун Рун пошевелил пальцами, снова опустил голову и продолжал молчать.

Хо Цзюэ сидел напротив него и вдруг почувствовал себя как подсудимый, которого судья не выносит приговор, заставляя его нервничать и беспокоиться о своем будущем.

Он нахмурился, не понимая, что за игру ведет сегодня Жун Рун?

Почему он не может просто сказать прямо, а вместо этого мучает его этой неопределенностью?

Он смотрел на Жун Руна, его резкие черты лица постепенно становились все более раздраженными, делая его лицо холодным и неприступным.

Он резко встал, подошел к Жун Руну и схватил его за запястье, заставив его поднять голову и посмотреть на себя.

Хо Цзюэ сначала почувствовал, что в его ладони что-то есть. Он что-то понял, использовал магию, чтобы развеять иллюзию, и обнаружил золотой браслет на запястье Жун Руна.

Он вырезал его своей духовной силой, и никто не знал этот браслет лучше него.

Его сердце вдруг наполнилось радостью, как будто оно плавало в меду, наполняясь сладостью и нежностью.

Хо Цзюэ поднял взгляд на Жун Руна, и его слегка приподнятые уголки губ застыли.

Жун Рун уже был в слезах. Его белое лицо было покрыто следами слез, складки на веках стали розовыми, длинные ресницы были влажными от слез, и его большие круглые глаза, наполненные слезами, поднимались, и слезы катились по щекам.

Хо Цзюэ тут же запаниковал. Он отпустил руку Жун Руна и замер, не зная, что делать.

Высокий мужчина ростом почти метр девяносто теперь стоял как провинившийся школьник, не решаясь пошевелиться, его глаза были полны тревоги и беспокойства, он осторожно смотрел на Жун Руна, боясь, что его слезы польются еще сильнее.

— Ты... что случилось, кто тебя обидел? — Хо Цзюэ заикаясь спросил, его обычно строгие черты лица теперь выглядели наивно и покорно. Его прямая спина согнулась, он опустил голову, чтобы лучше слышать ответ Жун Руна.

Жун Рун с гневом посмотрел на Хо Цзюэ, и Хо Цзюэ почувствовал, что половина его тела ослабла, он едва мог стоять.

Он почувствовал, что он просто не человек, в его голове промелькнуло множество мыслей, которые он мог подавить только с помощью заклинания очищения разума. Он даже немного возбудился, его кровь начала кипеть.

Жун Рун продолжал молча плакать, и Хо Цзюэ, с горячей головой, хотел только обнять его и утешить, поцеловать его слезы.

Он чувствовал, что в этот момент Жун Рун мог бы заставить его сделать что угодно, если бы он попросил его идти на запад, он бы не пошел на восток. Если бы кто-то обидел Жун Руна, он бы преследовал его до края земли, чтобы уничтожить его душу.

В конце концов, он всегда действовал без ограничений, правила даосской школы никогда не могли его остановить, и если это сделает Жун Руна счастливым, он готов на все, подумал он.

Хо Цзюэ от всего сердца не хотел, чтобы Жун Рун плакал, кроме... некоторых моментов, когда это могло бы его еще больше возбудить.

Жун Рун хотел немного подразнить его, но, не дождавшись реакции Хо Цзюэ, он с недоумением поднял голову и увидел, что Хо Цзюэ смотрит на него застывшим взглядом, его глубокие черные глаза горели, как будто готовые поглотить его и сжечь дотла.

Жун Рун вздрогнул, стараясь сохранять спокойствие, и решил действовать первым.